

Ягофаров С.М.

преподаватель, аспирант кафедры уголовного процесса ОГУ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье автором поднят вопрос о значении применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в уголовном судопроизводстве.

Закономерным отражением современной тенденции в направлении усиления гарантий прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, явилось повышенное внимание к существующим международным стандартам в области прав человека. Несмотря на кажущуюся определенность положений Конституции РФ, определяющих роль международного права и последующего их воспроизведения в УПК РФ, ситуация коренным образом за прошедшее десятилетие не изменилась, поскольку «применение международных договоров и норм международного права, международных прецедентов – пока еще редкое явление в нашей правоприменительной деятельности» [1]. Одной из возможных причин такого положения наряду с неготовностью правоприминителя, которая вызвана прежде всего отсутствием мотивации к изучению международных норм, является отсутствие четкого понятийного аппарата, дающего представление о том, что же следует понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права. Между тем, как подчеркивает А.Г. Волеводз, «вопрос об общепризнанных нормах международного права уже на протяжении длительного времени является спорным в теории как международного, так и других отраслей права» [2]. Неудачной можно также признать и попытку Пленума Верховного Суда РФ в части разъяснения существа данного вопроса. В этом случае речь идет о постановлении от 10 октября 2003 №15 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ», в котором дается толкование данных понятий. Сами определения, данные в отношении понимания общепризнанных принципов и норм международного права, в целом согласуются с существующей более или менее общепринятой научной трактовкой. Однако неопределенным по своему содержанию можно признать следующее положение: «Содержание указанных принципов и норм международного права мо-

жет раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений». Следует ли из этого, что данным документам придается аналогичный характер, или все же нет?

Однозначно на данный вопрос дать ответ не представляется возможным в силу того, что в науке международного права данным документам – резолюциям отводится роль «мягкого права» [3], так как они носят рекомендательный характер и возлагают на государства лишь моральные обязательства. «Они представляют собой тот эталон, к достижению которого должно стремиться каждое государство, стоящее на пути построения гражданского общества» [4], и воплощают в себе дальнейшую конкретизацию общепризнанных принципов и норм международного права, приобретая в конечном итоге статус международного стандарта. Стоит обратить внимание и на тот факт, что ряд международно-правовых актов, относимых по присущим им признакам к категории «мягкого права», могут в силу признания и фактического претворения в правоприменительной практике приобрести статус общепризнанных норм международного права, и наиболее ярким примером данного процесса может служить Всеобщая декларация прав человека. Поэтому разумнее всего было бы предположить, что смысл предложенного толкования Пленума Верховного Суда включает именно данный случай, исключая непосредственное применение иных документов международных организаций в правоприменительной практике. Хотя проблема все-таки остается неразрешенной, так как в большинстве случаев четкого ответа на вопрос – является ли данный документ общепризнанным или нет – получить не представляется возможным ввиду абстрактности самого понятия «общепризнанность». Вместе с тем неопределенным остается также вопрос о месте данных международно-правовых актов в системе источников права, в том числе и уголовно-процессуального. Отнесение их в теории к так называе-

тому «мягкому праву» не разъясняет их положения в системе законодательства, что означает прежде всего придание данным международным актам статуса всего лишь теоретического материала, что существенно умаляет их статус как передовых правовых конструкций, содержащих самые современные стандарты в области прав человека и гарантий их обеспечения. Стремление к их реальному претворению должно отражаться не только на международном уровне, но и найти свое подтверждение и в российском законодательстве, в котором бы отражалась концепция, основанная на международных рекомендациях, дальнейших перспективах преобразования законодательства.

Аналогичная ситуация по своей неразрешенности сложилась в связи с необходимостью применения правовых позиций, выработанных Европейским судом по правам человека.

Ратификация Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней сделала обязательными в отношении РФ не только положения, касающиеся прав человека, но и признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции.

Анализ практики европейского суда показывает, что весомую ее часть занимают разрешения ситуаций, связанных с нарушениями прав человека в сфере уголовного судопроизводства. Само по себе разрешение жалобы о праве носит индивидуальный характер, для науки же, как и для правоприменения, значение имеет мотивировочная составляющая данного решения, в котором зачастую дается толкование положений Конвенции. Данное толкование является единственным в своем роде официальным разъяснением должного понимания содержания тех или иных положений Конвенции, посвященных уголовному судопроизводству, отступление от которых долж-

но было бы являться фактически невыполнением взятых на себя государством обязательств.

Признавая юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции, мы, однако, в должной мере не можем обеспечить выполнение взятых на себя обязательств, поскольку российская правовая система не признает правовых прецедентов, к числу которых относятся и решения Европейского суда по правам человека.

Следствием непризнания судебных прецедентов в качестве источников права является отсутствие четкого и отработанного механизма работы с таковыми, что и создает сегодня основную проблему в реализации положений-толкований.

Определенным разрешением сложившейся ситуации могли бы послужить разъясняющие положения Пленума Верховного Суда РФ, в которых излагались бы принципиальные практические положения по существующему толкованию Конвенции. Хотя данные разъяснения также не являются обязательными, вместе с тем отступления от них все же не приняты в судебном сообществе.

Определенная попытка действовать в данном направлении уже была предпринята в рамках вышеназванного постановления, но она явно не достаточна и не учитывает всех моментов.

Вызывает также определенное недоумение, что за шесть лет, прошедших с момента ратификации Конвенции, не был все-таки создан механизм осуществления аутентичного перевода не то что всех решений Европейского суда, но даже и тех, которые были вынесены в отношении РФ. О каком признании обязательности решений Европейского суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции может тогда идти речь, когда правоприменитель должным образом не знает, а в чем же собственно заключается содержание данного толкования?

Список использованной литературы:

1. Международные правовые стандарты в российской правоприменительной практике // Российская юстиция №3/2003.
2. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М. 2002. С. 127.
3. Лукашук И.И. Международное «мягкое право» // Государство и право. 1994 №8–9. С.164.
4. Малиновский О.Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права / Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М.: РГБ, 2003.